

20 НОЯ

● БЕСЕДЫ, ИНТЕРВЬЮ ● БЕСЕДЫ, ИНТЕРВЬЮ ● БЕСЕДЫ, ИНТЕРВЬЮ ● БЕСЕДЫ, ИНТЕРВЬЮ

РАБОТАЮ

ЖИЛ добрый волшебник. Он дарил людям радость и заставлял их задумываться. Потом его не стало. Но литеры КИО по-прежнему украшают афиши. Два сына знаменитого советского иллюзиониста — Игорь и Эмиль заняли его место на цирковой арене. Вчера один из них — Эмиль Эмильевич Кио отметил своеобразный юбилей: состоялось его 250-е представление.

Да, он сын знаменитого артиста цирка Эмиля Теодоровича Кио. Он инженер. Дипломный проект Эмиля — разработка и проектирование Центральной площади в Рязани — был удостоен медали и уже осуществлен. Но как мог он поменять кульман на манеж цирка?

ЭТО СТРАННО для всех, кроме меня. Дело в том, что мое детство, да что детство, вся жизнь, прошла бок о бок с цирком. Еще школьником я, уединившись в укромном месте, репетировал незамысловатые фокусы. На переменах я показывал их товарищам. Иногда мою «изобретательность» одобрял даже отец. Когда я поступил в институт, оригинальный жанр был моим амплуа и там. В смотре художественной самодельности студентов Москвы я даже был удостоен первого места. Отец часто меня брал в гастрольные поездки. Потом я уже смог стать его ассистентом. Все эти, на первый взгляд, простые вещи, даются нелег-

«ВОЛШЕБНИКОМ...»

ко. Вот, например, выход на манеж. Кажется, элементарно. Но когда я впервые при полном цирке появился в тринадцатиметровом круге, не скрою, у меня дрожали колени.

— Сейчас зрители могут увидеть одновременно две программы Кио — вашу и Игоря.

— Да, мой младший брат — Игорь оказался раньше меня в цирке. Я еще учился в институте, а он уже выступал на манеже. Однажды отец захворал, и Игорю пришлось заметить его. Он очень волновался, но я переживал за него не меньше. Сверх ожидания выступление прошло весьма успешно. Потом, после окончания института, и я уже не мыслил себя вне манежа. Шесть месяцев назад, а точнее 28 апреля, в Киеве, специальная комиссия разрешила выступать мне в цирке.

— Когда вы исполняете номер, создается впечатление, что быть «волшебником» не сложно. Сначала вы изумляете. Затем после некоторой паузы идут аплодисменты. Кажется, все легко и просто. А спустя минуту мы задумываемся: как это получилось? Как удалось нас «провести»?

— Когда я, почти взрослый, смотрел работу отца, мне казалось то же, что и вам. Я знал, сколько он работает и, тем не менее, я считал, что быть фокусником довольно нехитрое дело. Всю сложность этой профессии я познал, оказавшись на его месте. Знаете, мой аттракцион длится 45 минут. А создавался он отцом многие годы. Короче говоря, за каждым, пусть самым простым, трюком кроется нелегкий труд. Для меня проложил тропинку отец. Он

автор всего того, что видит зритель. И, тем не менее, на подготовку аттракциона ушло четыре месяца. Ведь за «сервировкой» каждого номера стоит колоссальный труд коллектива. Все должно быть отработано буквально до секунды. В нашей труппе — 50 человек. Движения каждого должны быть синхронны и взаимосвязаны, как в часовом механизме. Каждое движение, каждый взмах руки — это многодневные репетиции. Не будь четкости на манеже — не будет и эффекта. Наш жанр зачастую базируется на скорости. Утраतिшь ее — никого ничем не удивишь.

— Кстати, чем собираетесь вы удивить зрителей в ближайшее время?

— В новой программе основное внимание будет уделено эстетической стороне. Здесь много придется поработать моей жене.

Супруга Эмиля — Элеонора Прохницкая — выпускница ГИТИСа и балетной школы при Большом театре, актриса кино, в свое время солистка Московского мюзинг-холла — участница почти всех номеров его программы.

— Как создается трюк? Понятно, что раскрывать секреты не в правилах фокусников, но слегка приподнять завесу «кухни» чародеев, видимо, все-таки можно?

— Сейсация не ждите. Схема довольно простая. На моей совести — идея. Остальное воплощают в жизнь специалисты: художники, инженеры, конструкторы, физики, химики — словом, люди многих профессий.

— О профессии иллюзиониста ходит много всевозможных легенд. В частности, подразумевается даже существование некоего клана фокусников, доступ в который обставлен своеобразным ритуалом. Так ли это, Эмиль?

— Я тоже слышал разных историй. На самом деле все гораздо проще. Моим пропуском на арену цирка было решение приемной комиссии. За границей, правда, существуют общества, объединяющие иллюзионистов. Так, мой отец был членом английского магического клуба и датской артистической ложи. Но этот факт свидетельствовал скорее о признании заслуг советского цирка, нежели о каком-то «ордене» чародеев. Что же касается «секретности» нашей работы, то здесь тоже нет никаких условий. Существует обычная этика: если один фокусник знает секреты своего коллеги, он, разумеется, не станет раскрывать их посторонним.

— Артист цирка — это непоседа. Иначе невозможно. Как вы, оседлый человек, сумели свыкнуться с таким образом жизни?

— Мне кажется, когда работа увлекает и захватывает, о таких мелочах даже не думается. Но о доме, конечно, тоскуешь. Это уж чисто человеческая слабость. Наш дом — это Москва, Шереметьевская улица. Мы, например, не были там с апреля.

За дверь прозвенел звонок. Он звал на манеж. Эмиль надел смокинг. Это уже был артист, сосредоточенный и чуть взволнованный. Через несколько минут мощные юпитеры представляют его публике. Начнется работа. Нелегкая работа волшебника.

161